

РУСЛАН САМИГУЛИН

ТАМ, ЗА ДВЕРЬЮ

Руслан Самигуллин

Там, за дверью

«Автор»

2026

Самигуллин Р. А.

Там, за дверью / Р. А. Самигуллин — «Автор», 2026

Долгие годы в хосписе «Тихая заводь» есть тот, кого нет ни в одной ведомости. Рыжий пёс с разорванным ухом приходит только к тем, кого некому проводить, — и остаётся с ними до последнего вдоха. Персонал не задаёт вопросов. Просто оставляет открытым окно в подвале. Санитарка Марина приходит сюда, чтобы заглушить тишину, в которой умерла её мать. Но находит не покой, а работу — и однажды узнаёт цену молчаливому чуду, на которое привык полагаться весь хоспис. Когда стройка нового крыла вскрывает землю у старой липы, выясняется: даже того, кто провожает других, можно оставить в одиночестве. История о долге, который отдают с опозданием; о тех, кто уходит незамеченным; и о том, что иногда единственное, что можно сделать для умирающего, — просто остаться.

© Самигуллин Р. А., 2026

© Автор, 2026

Руслан Самигуллин

Там, за дверью

Пролог

Щенка нашли в понедельник, под утро, у чёрного хода: он лежал в нише между стеной и ливнёвой решёткой, там, где когда-то стоял бак для отходов. Грязный, рыжий, с разорванным левым ухом. Когда санитарка Люба посветила на него экраном телефона, щенок не издал ни звука, только смотрел.

Люба работала здесь три месяца и многого ещё не знала. Она вынесла ему кусочек колбасы из комнаты персонала и написала в общий чат: «У нас собака. Кто заберёт?»

Ей ответили молчанием. Тогда вниз спустилась старшая медсестра Зоя Павловна. Она проработала здесь сорок пять лет и давно должна была уйти, но не ушла. Она долго стояла над щенком, не говоря ни слова.

— Пускай живёт, — сказала она наконец. — Миску поставь. Не выгонять.

— У него есть хозяин? — спросила Люба.

— Был, — ответила Зоя Павловна и ушла.

Это было в этом году. А понять, что она имела в виду, можно только вернувшись на пятнадцать лет назад, когда в «Тихую заводь» устроилась санитарка с именем Марина и когда хоспис ещё не знал, что скоро потеряет то единственное, что делало его не самым страшным местом на земле.

Глава первая. Собеседование

В четверг лило так, что зонт казался издевательством: ветер бил снизу, вода затекала за воротник. Марина вытирала ноги о коврик у входа. Коврик был мокрый насквозь, и в приёмной она всё равно оставила лужицу. Пахло хлоркой, но та лишь прикрывала что-то более плотное, с чем не справлялась.

Заведующая, женщина с лицом, которое усталость сделала нейтральным, мельком глянула на документы. Вместо резюме были паспорт и справка о медицинском образовании, выданная двадцать лет назад и ни разу не пригодившаяся.

— Сиделкой были?

— У мамы. Три года.

— Умерла?

— В марте.

Заведующая кивнула без эмоций. Здесь спрашивали об этом всех, и ответ всегда был один из двух: люди приходили в хоспис либо спасаясь от смерти, либо пытаясь заглянуть ей в лицо. Посередине никто не задерживался.

— Ночная смена. Готовы?

— Да.

— Тогда запомните. Если не научитесь спать днём, не мучайтесь: у нас каждый второй уходит через месяц. И не от недосыпа. От одиночества в полночь, когда весь мир спит, а вы сидите с этим...

— С чем?

Заведующая не ответила.

— Приходите через неделю, если не передумаете. Тогда и подпишем.

Приглашение было странное: не «вы нам подходите», а «выдержите ли вы нас». Марина не удивилась. Ей была нужна не работа, а место, где смерть не прячется за дверью. Дома, в комнате, где тихо ушла мать, воздух стал слишком густым, чтобы дышать.

Она проспала последний выдох. Медсестра утешала: так часто бывает, умирающие ждут одиночества, щадят близких. Марина не поверила. Она знала, что мать звала её, но трёхдневная

усталость взяла своё, и это было даже справедливо: единственное наказание, которое она могла понести.

С того мартовского утра сон оставил её окончательно. Идти в хоспис на ночную смену было не решением, а рефлексом: если не можешь закрыть глаза, открой их на чужую боль.

Глава вторая. Палата номер шесть

Через неделю Марина пришла и подписала бумаги. Первую смену ей дали в паре с санитаркой Ниной, той, что вечно носила в левом ухе белый наушник, похожий на слуховой аппарат. На самом деле это был плеер. Нина не выключала его, даже когда говорила: то делала громче, то тише, касаясь пальцем, будто регулировала громкость реальности. Ей было двадцать три, но под глазами лежала та синева, которую Марина каждое утро видела в зеркале.

— Бельё в шкафу справа от сестринской, — говорила Нина, прикасаясь к наушнику. — Памперсы на второй полке, тяжёлые не берите, внизу упаковки по двадцать штук, спина отвалится. Лежачих переворачиваем каждые два часа, даже если сопротивляются. Одна рука под плечо, вторая под таз, и не рывком, а как будто вы волна. Поняли?

Она говорила отрывисто, но не зло, как говорят с новичками, которых пока не жалко и не хочется учить дважды. У палаты, где лежал мужчина без сознания, она вдруг произнесла:

— С теми, кто не отвечает, разговаривайте нормально. Полным голосом. Они слышат, даже если молчат, это не эзотерика, это медицински доказано. Ну, типа. — Усмешка вышла горькой. — Читайте им новости, сказки. Главное — не шёпотом. Шёпот они принимают за тайну и начинают тревожиться.

Марина кивнула. Она вспомнила маму, которая в последние дни уже не открывала глаз, но иногда сжимала её ладонь. Марина тогда молчала: боялась спугнуть последнее присутствие. Теперь она жалела об этом, но вслух ничего не сказала.

Про собаку Нина не обмолвилась ни словом. Ни «не удивляйтесь», ни «в подвал не ходите». Только маршрут обхода, расписание капельниц и всё остальное.

Марина узнала о собаке на третью ночь. К тому времени она привыкла к запахам хосписа: антисептик, моча, варёная курица и что-то сладковато-прелое, что просачивалось из палат с безнадежными. Научилась не вздрагивать от стонов и не вслушиваться в тишину, которая после двух часов ночи становилась слишком плотной.

В ту ночь тишину нарушил металлический протяжный скрип, будто открывали дверь, которую годами не трогали. Звук шёл снизу, из подвала, где хранили швабры, старые матрасы и мешки с бельём. Марина сидела в сестринской, пила остывший чай и смотрела в монитор. Сначала подумала: ветер. Потом вспомнила, что подвальное окно заперто на две защёлки, а на двери тяжёлый засов, который случайно не сдвинуть.

Она вышла в коридор. Линолеум, вытертый до дыр, холодил даже через подошвы. В конце, у поворота к лестнице, горела одна лампа и мигала с интервалом в три секунды, будто отсчитывала чей-то пульс. Марина пошла на скрип, но до подвала не дошла: у палаты номер шесть на выпцветшем стуле сидела Зоя Павловна.

Она сидела неподвижно и смотрела на приоткрытую дверь. Внутри не горел свет, только оранжевый ночник у изголовья, какие ставят детям, чтобы не боялись темноты. Но ночник стоял у кровати восьмидесятидвухлетней женщины с раком поджелудочной и метастазами в печень, которой врачи давали три дня, и эти три дня заканчивались сегодня.

— Не заходите, — сказала Зоя Павловна, не оборачиваясь. Голос был ровный, как струна.

Марина знала её как старшую медсестру ночной смены: женщина за пятьдесят, седина на висках, натруженные руки. Её строгого взгляда побаивались все, но Марина успела заметить, что Зоя Павловна, проходя мимо умирающих, каждый раз чуть задерживалась у двери, будто давала им пространство для тишины.

— Что-то случилось? — шёпотом спросила Марина.

— Наоборот. Всё хорошо. Просто не заходите пока.

Марина встала рядом, плечом к плечу, и заглянула в щель между дверью и косяком. Сначала увидела кровать, белое одеяло, стойку с капельницей, пустую и уже отключённую. А потом увидела собаку.

Пёс лежал на полу у самого изголовья, свернувшись большим рыжим кольцом, будто охранял сон. Густая шерсть с подпалинами была матовой, как будто впитывала свет вокруг. Морда лежала на вытянутых лапах, левое ухо было разорвано. Пациентка лежала на спине, лицом к потолку, и впервые за трое суток не стонала. Дыхание её стало почти невесомым: простыня колыхалась едва заметно.

— Чей это пёс? — выдохнула Марина.

— Ничей. — Зоя Павловна помолчала. — Вернее, теперь уже ничей. Раньше был наш.

— Как он сюда попал? Подвал заперт. Входная тоже, я сама проверяла.

— Не знаю, — призналась Зоя Павловна, и в этих двух словах было столько же отказа от объяснения, сколько принятия факта. — Я давно перестала задавать этот вопрос. С тех пор, как в первый раз увидела его у изголовья другой женщины. Ей тоже оставалось меньше суток.

Марина хотела спросить ещё, но горло сжалось от странного чувства, которое она никогда не испытывала к чужим животным. Пёс открыл глаза, жёлтые спокойные, и медленно перевёл взгляд на неё, будто проверял, можно ли доверять. Марина не отвела своих. Он глубоко вздохнул, как усталый путник, и закрыл глаза. Почти в тот же миг старуха во сне вздохнула так же, в унисон, будто две груди, две диафрагмы дышали одним воздухом.

Они стояли так до рассвета. Марина слышала, как в соседней палате закашлял мужчина с эмфиземой, как на кухне загудел холодильник, как часы над сестринской пробили половину третьего, потом три, потом половину четвёртого. Эти звуки казались чужими. Здесь, у палаты номер шесть, время сгустилось и стало вязким, как мёд, и Марина вдруг поняла, что пёс и старуха сейчас где-то в общем пространстве, к которому больничные коридоры не имеют отношения.

Ровно в пять сорок семь, когда за окном начало сереть, Зоя Павловна бесшумно открыла дверь шире и шагнула внутрь. Марина заглянула через её плечо: пса на полу не было. На линолеуме осталось тёплое пятно и несколько рыжих волосков, которые шевелил сквозняк. Старуха лежала с закрытыми глазами, и лицо её было таким спокойным, каким Марина не видела ни у одного живого человека, ни у матери, ни у других пациентов. Рот чуть приоткрыт, морщины разгладились, руки, всегда судорожно сжимавшие простыню, лежали ладонями вверх, будто она приняла что-то, что давно ждала, и отпустила.

— Запишите, — сказала Зоя Павловна и протянула потёртую ручку. — Время смерти: пять сорок семь.

Марина взяла ручку, тёплую от чужой ладони, и записала цифры в журнал на тумбочке. Рука не дрожала, хотя внутри всё клокотало. Она подняла глаза:

— А собака?

Зоя Павловна посмотрела на неё долго, с прищуром, не строгим и не удивлённым, а проверяющим.

— Какая собака? — переспросила она. В голосе не было неведения, только осторожность, как если бы она отпирала дверь, за которой может быть что угодно. — Вы что-то видели, Марина?

Впервые она назвала её по имени. Марина почувствовала: это выбор. Сказать правду, и её сочтут переутомлённой, отправят домой спать, и всё увиденное станет галлюцинацией бессонницы. Или промолчать и остаться в этом месте, где смерть не прячется, но есть свои законы, не записанные ни в одной инструкции.

Она вспомнила мать. Как та ушла в тишине, без собаки и без свидетелей, пока Марина спала. Может быть, если бы рядом оказалось такое существо, она не проспала бы последний миг. Может быть, собака приходит не к старухе, а к самой смерти.

— Нет, — сказала Марина, и голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Ничего не видела.

Зоя Павловна кивнула, лицо её смягчилось. Она убрала ручку в карман и сказала уже буднично:

— Тогда идите в сестринскую, сейчас приедет врач для констатации. Я всё оформлю.

Марина вышла в коридор и вдруг поняла, что впервые за долгое время чувствует себя не пустой, хотя не смогла бы объяснить, чем именно. За спиной закрылась дверь палаты. В щели мелькнул жёлтый свет ночника, но рыжего пятна на полу уже не было. Только несколько волосков, которые сквозняк сдул под батарею, в тень, где их никто не увидит.

Глава третья. Уголёк

Разговор случился через две недели, в ночь редкого покоя: ни одной смерти, ни экстренных вызовов, ни тяжёлых пациентов, чьи мониторы разрывали тишину громким писком. Только ровное дыхание восьми человек по палатам, похожее на прилив и отлив невидимого моря, да гудение холодильника в сестринской, которое Марина давно перестала замечать.

Зоя Павловна заваривала чай. Не из пакетика: она достала из кармана халата потёртую жестяную банку с выцветшей этикеткой от монпансье и отвинтила крышку. Лист пах густо, с землистой горчинкой и намёком на дым. Она насыпала заварку в две кружки, в свою и в ту, что стояла на подоконнике, молча, будто давно знала, что Марина не откажется.

— Вы ведь не спросите ещё раз про собаку, — сказала она, не поднимая глаз. — Правильно. Но раз уж вы его видели и не побежали рассказывать, что у нас тут привидения, расскажу сама. Иначе додумаете хуже, чем есть.

Марина молчала, боясь спугнуть. Взяла кружку в ладони, шершавая керамика, трещинка на ободке, и заметила, что у Зои Павловны ногти разной длины: один сломан, другой подпилен неровно.

— Санаторий открыли в шестьдесят третьем, — начала та. — Для лёгочников. Туберкулёз, эмфизема: тогда лечили воздухом, соснами и покоем. В девяносто первом, когда всё посыпалось, его закрыли. Денег нет, оборудование растащили, даже капельницы со стоек снимали. Здание отдали под хоспис, потому что больше оно ни на что не годилось: отопление старое, палаты по десять метров, зато тихо и от города далеко. Я пришла в девяносто втором. Мне было двадцать один, косички носила, боялась темноты. Через месяц перестала.

Она отпила чаю. Голос звучал спокойно, но левая рука сжимала край стола там, где полировка стёрлась до голого дерева.

— В девяносто третьем к нам стал прибиваться пёс. Рыжий, с рваным левым ухом. Не зажило, видно, дрался со стаей, тогда их вокруг бегало полно, голодных и злых. Тощий, рёбра торчат, шерсть клочьями. Ходил вокруг чёрного хода, где кухня выбрасывала объедки. Мы подкармливали, как обычно: то одна кость вынесет, то другая хлеб с молоком. Прозвали Угольком, хотя он рыжий. Характер такой: хмурый, тлеющий, того гляди полыхнёт, хотя ни разу никого не укусил. Смотрел исподлобья. Взгляд тяжёлый, взрослый, как у собак, которые знают, что хозяева уходят и не возвращаются.

— И как он попадал внутрь? — шёпотом спросила Марина.

— Через подвальное окно. Отдушина, ещё санаторная, решётка местами сгнила. Не знаю, как он, в холке почти до колена, в неё пролезал, но пролезал. И повадился ходить к тем, кому оставалось недолго. — Она поставила кружку и посмотрела прямо. — Ни разу не ошибся. Двадцать девять лет, вы себе представляете?

— Но, собаки столько не живут! Даже крепкие дворняги — пятнадцать, от силы семнадцать, — возразила Марина.

Зоя Павловна не обиделась. Только чуть прищурилась, будто проверяла, готова ли Марина к тому, что дальше.

— Дальше всё поймёте сами. Или не поймёте, а примете. Это одно и то же.

Внутри у Марины шевельнулся страх, но не перед собакой: она боялась, что рациональное мышление, которое так берегла после смерти матери, начинает давать трещину. Она попробовала вернуть разговор в привычное русло:

— Но как он понимал? Как чувствовал, кому нужнее?

— Никто не знает. Собаки чуют болезнь, это медицинский факт: рак по запаху пота, приступ эпилепсии за полчаса. Может, он чуял, у кого организм совсем сдаёт. А может, дело в другом, чего я не объясню и не пытаюсь уже десятки лет. Когда видишь такое раз за разом, перестаёшь делить мир на живое и мёртвое. Начинаешь делить на присутствие и отсутствие.

— И что он делал, когда приходил?

— Ложился рядом. Клал морду на одеяло или на руку, если мог достать. Не скулил, не просился на улицу. Вёл себя так, будто знает правила лучше нас. Первой, к кому он пришёл на моей памяти, была фронтовичка Анна Игнатьевна, под девяносто. Недельку кричала от боли. Тогда с обезболиванием было хуже: морфин выписывали через комиссию, бумажная волокита на умирающего, это отдельный разговор, и стыдный. Звала санитарок, звала покойную мать, боялась умереть в муках, как её брат на войне. А тут пришёл Уголёк, лёг рядом, положил голову ей на ладонь, и она за вечер успокоилась. Боль никуда не делась, но страх ушёл, и этого оказалось достаточно. Умерла под утро, глядя его по голове. Улыбалась. Я такого лица у умирающего до этого не видела, а после видела, но нечасто.

Марина вспомнила лицо матери наутро: не злое и не спокойное, а отсутствующее, как выключенный свет. Если бы рядом лёг кто-то тёплый и живой... Она сделала глоток, чтобы проглотить ком.

— Персонал пытался его выгнать?

— Ещё как. Санитарные нормы, медучреждение, не приют. Ловили, выносили за территорию, закрывали подвал на засов, а он находил другую лазейку. Один раз отвезли на машине за пять километров, в лес. — Зоя Павловна усмехнулась, но горько. — Нашёл. На следующую ночь был у чёрного хода, мокрый, в колючках. В итоге плюнули. Заведующая тогдашняя, Валентина Осиповна, царствие небесное, сказала: «Пусть будет. Он делает то, на что у нас с вами душевных сил не всегда хватает». Миску поставили у чёрного хода. Я лично выбила её в смете как «расходы на содержание территории», чтобы бухгалтерия не задавала вопросов. Никто не знал, что содержание территории — это гречка и куриные кости.

За окном ветер облизывал старые рамы и выл в щелях, и Марина подумала, что этот звук похож на далёкий скулёж.

— Мы стали ждать его, — тихо продолжала Зоя Павловна. — Не надеяться на чью-то смерть, вы не подумайте. Просто если он приходил, мы знали: этой ночью человеку не будет так страшно, как могло бы. А если не приходил... Чаше всего было тяжело. Не всегда, но чаще. И вот в девяносто четвёртом, зимой, у нас лежал мальчик. Двенадцать лет, саркома, метастазы в лёгкие. За такого болеет вся смена, вы сами скоро узнаете: дети — это отдельная боль, к ней не привыкнуть. Врачи сказали: дни. Мать была одна, на двух работах. Уехала в другой город занимать деньги на лекарства и не успела вернуться. Мальчик остался один, и все ждали Уголька, как ждут врача. А он не шёл. Три ночи подряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.